

Слухи о том, что в Запретном городе объявилась лиса-оборотень, нападающая на людей, ходили далеко не впервые.

При этих словах обитатели дворца Куньнин побледнели, а самые расторопные слуги уже бросились к воротам — караулить, чтобы лиса-оборотень не ворвалась и не навредила Императрице.

Лицо императрицы Юй омрачилось тревогой.

— Уже послали людей разузнать? Где это случилось? Сколько пострадавших?

Маленькая служанка, первой прибежавшая с вестями, дрожащим голосом ответила:

— Во дворце Чусю. Новоприбывшие суйню только что вернулись с острова Цюнхуа и столкнулись с лисой-оборотнем. Она ранила пятерых или шестерых на глазах у всех, а потом убежала на запад и исчезла.

Императрица Юй нахмурилась, задумавшись на мгновение, затем отдала распоряжения:

— Сначала пошлите императорского лекаря осмотреть раненых суйню. Затем прикажите Цзиньвэй усилить патрули в Запретном городе и искать следы лисы-оборотня. Я и сама отправлюсь туда взглянуть. — Сказав это, она поднялась и приказала подать паланкин во дворец Чусю.

— Ваше Величество, ни в коем случае нельзя! — тут же принялась отговаривать ее нянюшка. — А если лиса-оборотень вернется и нападет на Ваше Величество?

Императрица Юй заколебалась, но потом вспомнила, что лиса-оборотень нападает уже в третий раз, и ее решимость вернулась.

Каждый раз появление лисы-оборотня сеяло панику во дворце. Она, Императрица, хозяйка Срединного дворца, должна была успокоить людей. Хоть она и не верила в призраков и демонов, но лиса-оборотень нападала снова и снова, и ее никак не могли найти, так что слухи неизбежно ширились.

— Позвольте сыну отправиться вместо вас, матушка-императрица.

В тот самый миг, когда нянюшка не знала, что и делать, раздался голос Инь Чэньюя.

Он положил руки на плечи императрицы Юй, усаживая ее обратно, и мягко произнес:

— Ваш сын тоже слышал об этой лисе-оборотне. Дворец князя Янь — место средоточия драконьей ци, как смеет нечисть тревожить его? Полагаю, кто-то просто морочит всем голову.

Императрица Юй и сама разделяла эти подозрения, хотя найти доказательства до сих пор не удавалось. Поразмыслив немного, она кивнула:

— Что ж, всему есть предел. Если удастся выяснить причину — тем лучше.

Успокоив матушку, Инь Чэньюй взял людей и отправился во дворец Чусю разузнать обстановку.

Лиса-оборотень ранила пятерых или шестерых, поэтому вокруг дворца Чусю уже не было посторонних — только офицеры Цзиньвэй охраняли его, а другие отряды прочесывали окрестности, используя дворец как центр поисков.

Заметив прибытие Инь Чэньюя, возглавлявший стражу Ван Цяньху поспешно шагнул вперед и отдал приветствие.

Инь Чэньюй обвел взглядом окрестности и спросил:

— Что-нибудь обнаружили?

— Никак нет, — покачал головой Ван Цяньху. — По словам видевших ее слуг, эта лиса-оборотень вся алая, появляется и исчезает без следа. Каждый раз перед ее появлением все окутывает густой туман, в котором мерцают зловещие блуждающие огни. Говорят, у тех, кто столкнется с ней, она высасывает душу, и они теряют рассудок.

— Учитель не говорил о чудесах, силе, смуте и духах, — Инь Чэньюй бросил на него взгляд. — «Как может подобная нечисть появиться в Запретном городе? Ищите тщательнее. Боюсь, кто-то намеренно сеет смуту.

— Ваше Высочество правы, — с кислой миной ответил Ван Цяньху. Хотя на словах он согласился, по лицу было видно, что он верит в рассказы о лисе-оборотне, высасывающей жизненную силу.

Инь Чэньюй не стал с ним спорить. Сделав все для вида, он покинул дворец.

Если все пойдет как в прошлой жизни, эта лиса-оборотень появится еще раз — в канун Нового года.

Изначально слухи о лисе-оборотне зародились среди простого люда, на улицах столицы.

Говорили, будто некий ученый по фамилии Чжао, навещая родных, спас по дороге девушку. Девушка была красива как лунный цветок, и ученый, влюбившись без памяти, привел ее домой, где они проводили дни и ночи в любовных утехах. Но счастье длилось недолго — всего месяц с небольшим. С тех пор как девушка вошла в дом, родные ученого начали один за другим умирать страшной смертью, и в конце концов та же участь постигла и его самого.

А красавица, которую он привел, бесследно исчезла.

Соседи стали поговаривать, что ученый повстречал злобную лису-оборотня.

Вскоре после этого в столице снова стали говорить, будто кто-то видел красавицу, бродившую по ночным улицам, а затем один за другим умерло несколько крепких мужчин.

Так легенда о лисе-оборотне постепенно разнеслась повсюду.

Сначала слухи ходили лишь среди простого люда, но летом этого года следы лисы-оборотня обнаружили и в Запретном городе.

Первые два раза лиса-оборотень не причинила серьезного вреда — лишь пара слуг утверждали, что видели ее, сильно перепугались и получили легкие ранения. Нападение во дворце Чусю стало самым серьезным: пострадали сразу пять или шесть суйню.

Через пару дней слухи об этом должны были дойти до императора Лунфэна.

Его отец-император всегда дорожил своей жизнью и свято верил в сверхъестественное. Он не только увеличил число патрулей во дворце, но и разослал людей на поиски могущественных даосов, чтобы те провели ритуалы изгнания нечисти.

А это как раз и было целью закулисных кукловодов.

Противник приложил немало усилий, раздувая панику, лишь для того, чтобы в канун Нового года устроить «смятение», а затем, воспользовавшись ситуацией, представить императору даоса Ванчэня.

В прошлой жизни он упустил инициативу, и к тому времени, как он разгадал заговор, даос Ванчэнь уже успел завоевать доверие и расположение императора Лунфэна.

Он снова и снова предупреждал императора Лунфэна, что у даоса Ванчэня дурные намерения, а в деле о нападениях лисы-оборотня слишком много подозрительного, но в ответ получал лишь выговоры.

Губы Инь Чэньюя тронула саркастическая усмешка. Он неторопливо поправил тяжелый плащ

и, прижимая к себе жаровню, медленно прошел по крытой галерее.

На этот раз он, разумеется, не станет совершать глупостей, которые не принесут ничего, кроме неприятностей.

Два дня спустя император Лунфэн действительно узнал о нападении лисы-оборотня во дворце Чусю. Как и в прошлой жизни, он усилил дворцовую стражу и приказал повсюду искать могущественных даосов, чтобы те провели ритуалы в Запретном городе.

Среди придворных чиновников это вызвало тихий ропот.

Император, свято верящий в сверхъестественное, неизбежно вызывал ассоциации с правителями-глупцами прежних династий, которые пренебрегали государственными делами ради поисков бессмертия, и это рождало у чиновников тревогу.

Его дед по материнской линии, Юй Хуайань, даже навестил из-за этого Инь Чэньюя.

Инь Чэньюй избегал встреч с придворными, но не мог отказать собственному деду.

Пригласив деда войти, Инь Чэньюй подал ему чаю и велел принести доску для игры вэйци. Сыграв партию, Юй Хуайань посмотрел на свою разгромленную позицию, нахмурился и с недоумением произнес:

— Ваше Высочество, вы в последнее время сильно изменились.

Прежде Инь Чэньюй был в глазах всех идеальным Наследным принцем.

Мягкий, милосердный, великодушный. Почтительный к старшим, снисходительный к младшим. Унаследовав трон, он непременно стал бы добродетельным и гуманным правителем.

Однако сейчас, наблюдая за его игрой, Юй Хуайань обнаружил, что тот отказался от прежнего мягкого стиля. Его ходы стали острыми, агрессивными, в них даже проглядывала некоторая жестокость — он словно стал другим человеком.

Инь Чэньюй усмехнулся и уклонился от прямого ответа:

— Мир изменчив, как игра вэйци. Ныне простой народ знает лишь Наследного принца, но не Императора. Для Нас это не к добру.

С этими словами он поставил последний камень, полностью отрезав Юй Хуайаню путь к отступлению.

Юй Хуайань снял свои камни с доски в знак сдачи и кивнул:

— Хорошо, что Ваше Высочество это понимает.

Прежде Наследный принц был слишком популярен, и это вызывало у него смутное беспокойство. Он даже как-то намекал на это принцу. Но тот с детства был прекрасно воспитан, всегда ставил интересы правителя и народа превыше всего и мало заботился о себе. Юй Хуайань боялся, что дальнейшие разговоры посеют рознь между отцом и сыном в императорской семье, поэтому больше не поднимал эту тему.

То, что он сам все понял, — к лучшему.

Вот только что заставило его так измениться?

Мысли Юй Хуайаня вернулись к настоящему. Он сложил руки:

— Раз так, не буду утруждать Ваше Высочество внешними делами. В Кабинете накопилось много дел, я вас покину.

Изначально он пришел потому, что придворные, считая действия Его Величества совершенно нелепыми, хотели, чтобы Наследный принц вмешался и вразумил отца. Но теперь, когда принц затворился во дворце Цыцин и никого не принимал, им пришлось послать его, Юй Хуайаня.

Теперь же стало ясно, что Наследный принц не станет вмешиваться, а значит, и говорить больше не о чем.

Инь Чэньюй кивнул и лично проводил его до ворот Линьчжи. На прощание он все же произнес слова, которые давно хотел сказать:

— Дедушка, нынче холода и метели. Вы уже в преклонных годах, берегите себя. Не стоит больше стоять на переднем крае.

Он говорил не как правитель с подданным, а как внук — и взгляд его был полон глубокого смысла.

Юй Хуайаню было уже шестьдесят восемь лет. Он стал чжуаньюанем еще в годы правления императора Чэнцзуна, служил при двух императорах — Чэн-цзуне и Сяо-цзуне, пережил несколько взлетов и падений, прежде чем достиг своего нынешнего положения.

Первый министр Кабинета, державший в узде шесть министерств, — его власть была сравнима с властью канцлера.

Не говоря уже о том, что в свое время именно он первым выступил в поддержку наследования трона принцем, который стал императором Лунфэном.

В те годы император Сяо-цзун пренебрегал всеми устоями, вел распутный и неумеренный образ жизни. Пятеро его сыновей были под стать отцу и следовали его дурному примеру, а борьба за престолонаследие достигла невиданной жестокости. Но никто не ожидал, что все пятеро принцев в итоге проиграют, а трон достанется Лунфэну — сыну наложницы низкого происхождения, выросшему в Холодном дворце.

Император Лунфэн с детства рос в Холодном дворце и не получил должного воспитания. Понимая, что ни происхождение, ни образование не вызовут одобрения у придворных, он притворился почтительным и усердным в делах правления, назначил Юй Хуайаня Великим Наставником и женился на его единственной дочери от главной жены, сделав ее императрицей.

Позже императрица Юй родила ему законного первенца, которого провозгласили Наследным принцем.

Все складывалось как нельзя лучше, но это процветание было подобно маслу, кипящему на яростном огне.

С годами император Лунфэн все крепче сидел на троне. Он давно отбросил былую почтительность, все больше пренебрегал государственными делами и показал свое истинное лицо. Но Юй Хуайань, беспокоясь и о Наследном принце, и о народе, по-прежнему безропотно разгребал за императором все проблемы.

Высокопоставленные чиновники уходили в отставку в семьдесят лет. Ему оставалось всего два года до того дня, когда он сможет удалиться на покой и спокойно встретить старость в родных краях.

Но в прошлой жизни, в год своей отставки, его ждала ужасная участь: полное бесчестье, конфискация имущества и истребление всего рода.

Поэтому Инь Чэньюй и намекал ему, что стоит вовремя отойти от дел.

Он знал, что отставка деда, Первого министра Кабинета, затронет слишком многое — потянешь за волосок, а вздрогнет все тело. Даже если бы тот захотел уйти, это было бы непросто. Поэтому сейчас он мог лишь предупредить.

Обо всем остальном придется позаботиться позже, действуя постепенно.

Юй Хуайань на миг замер, на лице его отразилась задумчивость. Спустя некоторое время он кивнул и тяжело похлопал внука по плечу:

— Дед понял.

Они расстались у ворот Линьчжи. Инь Чэньюй посмотрел на кружащиеся в воздухе снежинки и прищурился.

Теперь оставалось только дожидаться кануна Нового года.

В канун Нового года во дворце устраивали пир для всех чиновников. Те, кто имел ранг выше четвертого, могли прийти с семьями.

В этот день на пиру должен был присутствовать и император Лунфэн.

Из-за недавних слухов о лисе-оборотне охрану во дворце значительно усилили — стражники стояли буквально на каждом шагу. В дело пошли не только Цзиньвэй, но и все фаньи из Восточного и Западного департаментов.

У павильона Хуанцзи Инь Чэньюй увидел Сюэ Шу.

Высокий, длинноногий, с мощными руками и узкой талией, он стоял среди ссутулившихся фаньи, словно журавль среди кур — и сразу бросался в глаза. Единая форма фаньи — коричневый халат и белые сапоги — на нем смотрелась грозно и внушительно.

Инь Чэньюй и раньше знал, что тот выделяется внешностью, но и сейчас невольно задержал на нем взгляд.

Стоявший на посту Сюэ Шу перехватил его взгляд и вперился в него своими глазами.

Их взгляды встретились на мгновение. Инь Чэньюй, словно обжегшись, отвел глаза, холодно хмыкнул и прошел мимо, глядя прямо перед собой.

Сюэ Шу посмотрел ему вслед. Его пальцы, опущенные вдоль тела, неуверенно сжались в кулак, и он окликнул:

— Ваше Высочество!

Инь Чэньюй услышал, но сделал вид, что не заметил. Взмахнув рукавом, он вошел в павильон.

Прибывшие на пир придворные уже заняли свои места. Инь Чэньюй сел на свое, и лишь спустя четверть часа неспешно появился император Лунфэн.

Он занял почетное место во главе зала, издали поднял чашу, произнес несколько дежурных фраз и велел начинать пир.

Зазвучала музыка, и в зал, легко кружась на цыпочках, выплыли танцовщицы.

Звуки струн и флейт, грациозный танец красавиц.

Придворные пили вино и оживленно беседовали, атмосфера на время стала весьма непринужденной.

Инь Чэньюй держал чашу с вином. Когда кто-нибудь подходил предложить тост, он делал небольшой глоток, но мысленно он отсчитывал время.

Спустя три четверти часа снаружи павильона Хуанцзи внезапно послышался шум, а затем и едва различимые панические крики.

Инь Чэньюй резко поставил чашу. «Началось», — подумал он.

Шум снаружи был таким сильным, что его не могли заглушить ни музыка, ни песни. Император Лунфэн недовольно прервал представление: «Послать человека узнать, что там стряслось!»

Главный евнух Гао Сянь, стоявший рядом с императором Лунфэном, тут же подал знак, и один из младших евнухов поспешно выбежал из зала узнать, в чем дело.

Не прошло и минуты, как младший евнух вернулся. На его лице был явный ужас, а голос дрожал:

— Лиса-оборотень! Там лиса-оборотень!

Эти слова вызвали гул во всем зале.

Некоторые скептически настроенные придворные тут же возразили, но другие заколебались — уж слишком неподдельным казался ужас на лице евнуха.

Присутствующие принялись перешептываться, и зал наполнился гулом голосов.

Лицо императора Лунфэна стало безобразным. Ему хотелось немедленно уйти под охраной, но

боязнь потерять лицо удерживала его от проявления трусости. Несколько раз переменявшись в лице, он наконец посмотрел на Инь Чэньюя, сидевшего ниже:

— Как смеет нечисть появляться у подножия трона Сына Неба? Наследный принц, ступай вместо Нас и посмотри.

Инь Чэньюй чуть заметно усмехнулся, скрывая насмешку во взгляде, поднялся и согласился.

Несколько скептически настроенных придворных вышли вместе с ним посмотреть, но даже их твердая уверенность пошатнулась при виде распростертых на земле стражников, багрового тумана, заполнившего все небо, и зловещих блуждающих огней в его глубине.

Придворные, вышедшие следом, поняли, что дело плохо, и тут же загородили Инь Чэньюя собой, готовясь отступить обратно в зал.

Но Инь Чэньюй не выказал ни малейшего беспокойства. Он остался на месте и громко приказал:

— Привести лучников! Удвоить число факелов! Я хочу взглянуть, что за нечисть тут устроила этот спектакль.

Видя хладнокровие Наследного принца перед лицом опасности, растерянные стражники наконец обрели опору. Они успокоились, и те, кому было приказано привести подкрепление, бросились исполнять, другие побежали за факелами, и линия обороны была восстановлена.

Зато император Лунфэн, подоспевший следом и увидевший эту картину, едва не умер от страха.

— Быстрее! — завопил он. — Скорее! Зовите даоса Ванчэня ловить демона!

Его слова вновь посеяли неуверенность в сердцах присутствующих.

Так что же это — бесчинства нечисти или козни недоброжелателей?

Пока все растерянно переглядывались, колеблясь в нерешительности, раздался громкий голос Инь Чэньюя:

— Отец-император, этот багровый туман и блуждающие огни похожи на уловки уличных фокусников. Боюсь, эта лиса-оборотень — дело рук...

В его словах был резон. Придворные задумались, и взглянув на туман и огни под другим углом,

уже не находили их такими зловещими и пугающими.

Но император Лунфэн явно ему не поверил. Побледнев, он прервал Инь Чэньюя и выкрикнул:

— Стража, ко мне! Подать паланкин во дворец Цяньцин!

Он собирался бежать, бросив всех остальных.

Инь Чэньюй открыл было рот, словно хотел возразить, но в этот момент вмешался Второй принц, Инь Чэнчжан:

— Неважно, дело ли это рук человеческих или нечистой силы — здоровье отца-императора превыше всего. Раз уж царственный старший брат считает, что это подстроено людьми, почему бы ему не остаться и не поймать злоумышленника?

Этот разговор уже случался в прошлой жизни.

Вот только тогда Инь Чэньюй был не готов. Он остался, но не смог ни поймать зачинщика, ни прогнать нечисть. В конце концов вмешался даос Ванчэнь — он рассеял багровый туман и убил лису-оборотня.

Но на этот раз он подготовился заранее.

Он едва заметно скользнул взглядом по Инь Чэнчжану и стоявшему рядом с ним Третьему принцу, Инь Чэнцзину, и усмехнулся:

— Раз кто-то посмел устроить этот спектакль во дворце, Я, естественно, намерен поймать зачинщика.

Но император Лунфэн не желал слушать бесполезные споры. Он слишком дорожил своей жизнью. Приказав Цзиньвэй окружить себя тройным кольцом, он собрался уходить.

Инь Чэньюй сыграл свою роль и больше не пытался его отговорить или остановить. Он лишь прищурился, глядя на императора Лунфэна в центре кольца охраны.

Он медленно считал про себя. Едва он дошел до десяти, как из багрового тумана внезапно выскочил огромный зверь. Широко разинув пасть, он издал пронзительный, странный вой и бросился прямо на императора Лунфэна в центре кольца охраны.

Шкура зверя была алой, но все его тело испускало зловещее зеленоватое сияние. Из разинутой пасти несло смрадом. Его внезапное появление застало всех врасплох.

— Лиса-оборотень! Это лиса-оборотень!

С трудом восстановленное спокойствие вновь сменилось хаосом. Всех охватила паника, а самые трусливые бросились бежать кто куда.

Цзиньивэй пытались оттеснить императора Лунфэна назад, но стояли слишком плотно друг к другу и не успели вовремя перестроиться. В мгновение ока свирепый зверь прорвал их кольцо и устремился к императору.

— Ваше Величество!

— Защитить императора!

Со всех сторон раздались испуганные крики.

Император Лунфэн уже давно побледнел от ужаса как полотно; он упал на землю и не мог пошевелиться.

Инь Чэньюй холодно наблюдал за происходящим, без особых эмоций. Повернув голову к стоявшему неподалеку Сюэ Шу, он беззвучно произнес одними губами: У-бей. Е-го.

Все вокруг спасали свою шкуру или пытались убежать, и лишь Сюэ Шу шел против потока, словно направляясь к нему. Подняв глаза, он тут же получил приказ.

Помедлив лишь мгновение, Сюэ Шу резко развернулся и бросился к застывшему императору Лунфэну. Он заслонил его собой и одновременно выхватил из-за пояса меч, с силой вонзив его в брюхо лисы-оборотня.

Раненая лиса-оборотень взвыла от боли и ударила его острыми когтями.

Сюэ Шу не увернулся и не отступил. Приняв удар, он тут же ухватился за шкуру зверя, одним движением вскочил ему на спину, крепко сжал ее ногами, чтобы удержаться, и обеими руками вонзил меч в шею лисы-оборотня.

Длинный клинок вошел сзади и вышел спереди.

Пронзенная насквозь, лиса-оборотень, брызжа кровью, забилась в агонии и рухнула на землю.

Зрелище было настолько кровавым, что вокруг на мгновение воцарилась мертвая тишина.

Тяжело дыша, Сюэ Шу вытащил меч. Небрежно стерев брызнувшую на лицо кровь, он повернул

голову и в упор посмотрел на Инь Чэньюя.

Его взгляд словно говорил: «Ты приказал убить — я убил».

<http://bllate.org/book/13382/1190722>